

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.153.15>

КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Научная статья

Кример Л.С.^{1,*}

¹ Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (leon1789[at]gmail.com)

Аннотация

В настоящей статье автор исследует проблему применения косвенных доказательств по уголовным делам. В частности, отсутствие на законодательном уровне четкой классификации косвенных доказательств, применяемых в уголовном процессе, а также отсутствие механизма выделения наиболее приоритетных качеств и критериев косвенных доказательств, с одной стороны, дает возможность их разработке на уровне научной доктрины, с другой стороны, дает возможность правоприменителю использовать расширительное или узкое толкование предложенного в УПК РФ перечня доказательств. В статье проводится анализ научных точек зрения на предмет приоритетности использования прямых и косвенных доказательств, исследуется важность косвенных доказательств для всестороннего установления фактов дела. В завершение исследования автор, опираясь на положения научной доктрины, формулирует вывод о том, что в рассматриваемой сфере, имеющиеся положения о косвенных доказательствах имеют как сильные, так и слабые стороны и требуют современной детальной проработки и классификации, что поможет в развитии научного знания в целом о доказательственном процессе, в совершенствовании законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательство, расследование, прямые доказательства, косвенные доказательства, уголовный закон, правонарушение.

CIRCUMSTANTIAL EVIDENCE IN CRIMINAL CASES: SPECIFICS OF APPLICATION

Research article

Krimer L.S.^{1,*}

¹ Gasan Mirzoev Russian University fo Lawyers and Notaries, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (leon1789[at]gmail.com)

Abstract

In this article, the author studies the problem of application of circumstantial evidence in criminal cases. In particular, the absence at the legislative level of a clear classification of circumstantial evidence used in criminal proceedings, as well as the lack of a mechanism for identifying the highest priority qualities and criteria of circumstantial evidence, on the one hand, makes it possible to develop them at the level of scientific doctrine, on the other hand, gives the law enforcer the opportunity to use an expansive or narrow interpretation of the list of evidence proposed in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The paper analyses scientific points of view on the priority of the use of direct and indirect evidence, examines the importance of circumstantial evidence for the comprehensive establishment of the facts of the case. At the end of the research, the author, relying on the provisions of scientific doctrine, formulates the conclusion that in the area under review, the existing provisions on circumstantial evidence have both strong and weak points and require modern detailed elaboration and classification, which will help in the development of scientific knowledge in general about the evidentiary process, in the improvement of legislation and law enforcement practice.

Keywords: criminal procedure, evidence, investigation, direct evidence, circumstantial evidence, criminal law, offence.

Введение

Перечень доказательств как любых сведений, благодаря которым дознаватели, суды, прокуроры могут установить отсутствие или наличие обстоятельств по уголовным делам, законодательно закреплен в ст. 74 УПК РФ. Причем первая часть статьи конкретизирует, что это могут быть «любые сведения», вторая часть дополняет перечень того, что допускается в качестве доказательств, в их числе – и «иные документы». Данное говорит о расширительном толковании понятия и перечня доказательств, а это может стать причиной недооценки или переоценки значения прямых и косвенных доказательств.

Основная часть

Как верно отмечает М.С. Ремизова, Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 50 при отправлении правосудия в России устанавливает императивный запрет на использование доказательств, получение которых сопряжено с нарушением федерального закона, что нашло отражение в ч. 3 ст. 75 УПК РФ [1].

Проблематика наличия следственных и судебных ошибок при оценке доказательств по уголовным делам свидетельствует о субъективном факторе данного процессуального действия, так, В.В. Конин считает, что доказывание по уголовным делам сопоставимо с механизмом, объединяющим правовое и общественное значение, так как обществу важно, чтобы виновный субъект испытал негативные последствия из-за совершенного деяния и пережил заслуженную меру наказания, а каждый невиновный имел гарантированность в защите от возможной следственной и судебной ошибки [2]. Также проблематика заключается в самой классификации доказательств, а точнее в отсутствии единообразного подхода к самой привязке основания классификации – к главному факту или предмету доказывания.

Поэтому самой общепринятой классификацией доказательств является группировка таковых на прямые и косвенные. Доказывание по уголовным делам осуществляется через доказательство, императивно характеризующееся свойствами допустимости, достаточности, относимости, достоверности.

Одна из имеющихся классификаций доказательств в уголовно-процессуальной науке, это группировка их на прямые, прямо изобличающие лицо в совершении преступления с четким и определенным выводом об искомом факте, и косвенные, дающие возможность заключить более одного предположительного вывода о факте.

Пример косвенных доказательств конкретизируется судами, например, приводится в пункте 13 Постановлении Пленума ВС от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», это хранение, изготовление, переработка, перевозка, размещение в фасовке говорит об умысле на сбыт указанных средств [3].

Проблемность и сложность установления косвенных доказательств заключается в том, что нужно определить связь их содержания с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, помимо установления качества источников данных доказательств и достоверности составляющих их содержание сведений. Как следствие, уголовный процесс при помощи косвенных доказательств в доказывании приобретает усложненный характер по сравнению с доказыванием при помощи прямых доказательств. Непосредственно проблемность кроется в том, что каждое косвенное доказательство предполагает неоднозначность толкования его значения для вывода в отношении доказываемых обстоятельств, только в своей общей массе косвенные доказательства должны дать возможность сделать однозначный вывод о предмете доказывания и событии преступления.

Некоторые ученые считают, что приоритет к использованию таковых должен отдаваться первоначальным доказательствам, например, М.С. Строгович указывает, что «органы следствия и суда не должны использовать производное доказательство, если первоначальное доказательство не является для них недоступным, хотя бы его получение было связано с трудностями для следствия и суда» [4].

При этом некоторые ученые и вовсе отвергают ценность использования косвенных доказательств, например, советский ученый М.М. Гродзинский [5]. В свою очередь, Т.Н. Добровольская отмечает, что следователи и судьи по возможности должны пользоваться при этом первоначальными доказательствами для изучения и понимания фактов [6]. Г.Е. Беседин также указывает, что следствию и суду необходимо пользоваться преимущественно первоначальными доказательствами, а к производным прибегать либо когда достоверно установлено, что использование первоначального доказательства крайне затруднено или невозможно, или когда есть необходимость проверить первоначальное доказательство и, если следствие, прокуратура, суд ориентироваться лишь на производные доказательства и не предпринимать попытки достоверно выяснить причины отсутствия первоначальных доказательств, то достоверность данных производных доказательств может вызывать серьезные сомнения [7].

Отметим, что нередким случаем является факт установления обстоятельств совершения правонарушения в отсутствие прямых доказательств только с наличием единственного средства установления обстоятельств в виде косвенных доказательств. И отсутствие классификации косвенных доказательств зачастую приводит к сложностям в расследовании правонарушений, а именно преступлений.

Крайне значимая попытка в науке и весьма успешная по классификации косвенных доказательств была осуществлена А.С. Жиряевым еще в 19 веке, в частности, ученый разделил косвенные доказательства на частные и общие, на обвинительные и оправдательные, а также применял критерий классификации – по форме появления [8].

Считаем, что такой критерий по форме появления весьма удачен и может подразделяться в современном уголовном процессе на личную форму, например поведение, а также личностные характеристики, присущие личности потенциального правонарушителя ввиду состояния здоровья – близорукость, дальновзоркость, разность в размере ступней, разность длины ног или рук, или отсутствие частей тела, масса тела и вещественную форму – следы крови, характерные определенной группе крови, следы обуви.

Качества косвенных доказательств представляется возможным связать с имеющимся в уголовно-процессуальной науке составом правонарушения, а именно с объективной стороной и объектом, субъективной стороной и субъектом, а среди критериев косвенных доказательств назвать мотив совершения правонарушения, а также обстановку совершенного деяния, что позволит комплексно оценить факт наличия способности к совершенному преступлению, наличия возможности такого совершения и непосредственной или опосредованной причастности к совершению преступления.

Стоит отметить, что современной истории уголовного судопроизводства известны случаи, когда суды выносили обвинительные приговоры, руководствуясь исключительно совокупностью косвенных доказательств. Так, широкую известность обрело дело об убийстве Джени Чеока в Сингапуре, следствие по которому проходило в 1964-1965 году. Резонансным оно стало еще и потому, что по обвинительному приговору подсудимый Санны Энг был приговорен к смертной казни, причем вышестоящие судебные инстанции, а также президент страны отказали осужденному в смягчении наказания и помиловании [9].

Рассматриваемое дело был необычным, поскольку тело жертвы так и не было найдено, а версия обвинения была основана исключительно на косвенных доказательствах и связи между доказательствами.

Из обстоятельств дела следовало, что вскоре после того, как осужденный встретил потерпевшую, Энг начал оформлять на ее имя страховые полисы, по которым выплаты шли его матери. Он также отвел потерпевшую к адвокату, чтобы тот составил завещание, оставив все ее имущество его матери, которую она плохо знала. На момент исчезновения у потерпевшей была страховка от несчастных случаев на сумму 450 000 сингапурских долларов. Срок действия одного из полисов истек накануне, однако осужденный продлил его на пять дней всего за три часа до исчезновения потерпевшей. Среди основных доказательств были страховые полисы и завещание жертвы, финансовое положение подсудимого и его поведение в день инцидента и после него. Так, в день исчезновения Чеока (пара посещала пляж) Энг не предпринимал никаких попыток по поиску потерпевшей, не выражал обеспокоенности по

поводу исчезновения возлюбленной и не предпринял никаких действий для поиска пропавшей. Однако менее чем через 24 часа после инцидента он уведомил страховые компании о несчастном случае в отношении Чеок и попытался предъявить претензии для получения денежной компенсации.

В современной российской судебной практике также встречаются дела, когда суд опирается преимущественно на совокупность косвенных доказательств, при этом соотношение количества и качества должны безусловно подчеркивать факт совершения преступления подсудимым, чтобы суд мог вынести обвинительный приговор. Так, в апелляционном производстве Курского областного суда, находилось дело, в ходе которого осужденный оспаривал решение первой инстанции, ссылаясь на то обстоятельство, что суд опирался в основном на косвенные доказательства, которые доказывали лишь факт обнаружения трупа со следами насильственной смерти, однако не устанавливали причинно-следственной связи между личностью осужденного, его действиями и общественно опасными последствиями. При этом апелляционная инстанция вновь постановила обвинительный приговор, основываясь при вынесении решения на следующих обстоятельствах: наличии множества свидетельских показаний, характеризующих личность осужденного и его отношение к потерпевшей в негативном ключе, нахождение осужденного в момент совершения преступления в одном помещении с потерпевшей, протоколы судебно-медицинской экспертизы, подтверждающие, во-первых, факт причинения телесных повреждений жертве другим лицом, во-вторых, наличие следов крови и клеток эпителия потерпевшей на руках осужденного [10].

Как следует из приведенных примеров, косвенные доказательства позволяют всесторонне оценить фактические обстоятельства дела, максимальным образом сконструировать событие преступления и проследить причинно-следственную связь между преступным деянием и общественно опасным последствием.

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование применения косвенных и производных доказательств по уголовным делам позволяет сделать следующие выводы:

1. Косвенные доказательства по совокупности и правильном применении служат основанием достоверности выводов по уголовным делам.
2. Нет обоснованной необходимости устанавливать исчерпывающий перечень косвенных доказательств.
3. Представляется полезным установить качественные свойства косвенных доказательств, а также выделить ведущие критерии косвенных доказательств.
4. Качественные свойства косвенных доказательств напрямую связаны с объективной стороной и объектом, субъективной стороной и субъектом, а ведущим критерием косвенного доказательства выступает мотив, подвигнувший к совершению правонарушения.

Косвенные доказательства не являются фундаментом обвинения в совершении преступления для субъекта, как и не могут обосновывать обвинительный приговор ввиду отсутствия самостоятельности в подтверждении самого факта события преступления, а значит существует вероятность искажения информации.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023)] // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ч. I. — Ст. 4921.
2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 (ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2006. — № 8.
3. Беседин Г.Е. О соотношении производных доказательств и принципа непосредственности в уголовном процессе России / Г.Е. Беседин // Российский судья. — 2022. — № 8. — С. 13–17.
4. Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе / М.М. Гродзинский. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. — 123 с.
5. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики / Т.Н. Добровольская. — М., 1971. — 199 с.
6. Жиряев А.С. Теория улик / А.С. Жиряев. — Дерт: Тип. Г. Лаакманна, 1855. — 216 с.
7. Конин В.В. Производные доказательства в уголовном судопроизводстве / В.В. Конин // Адвокат. — 2016. — № 6. — С. 5–8.
8. Ремизова М.С. Моделирование юридической категории недопустимого доказательства в уголовно-процессуальном праве России / М.С. Ремизова // Адвокатская практика. — 2023. — № 1. — С. 14–20.
9. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. — М., 1955. — 384 с.
10. Приговор Курского областного суда по делу № 22-665/2020 от 17 июня 2020 г. — URL: https://eresources.nlb.gov.sg/infopedia/articles/SIP_1789_2011-09-26.html (дата обращения: 21.04.2023).

11. The Sunny Ang murder case. — URL: https://eresources.nlb.gov.sg/infopedia/articles/SIP_1789_2011-09-26.html (accessed: 21.04.2023).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rossijskaja Federacija. Zakony. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii [Russian Federation. Laws. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation]: Federal Law: [dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on 04/14/2023)] // SZ RF [The Russian Federation Code]. — 2001. — № 52. — Pt. I. — Art. 4921. [in Russian]

2. O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah, svjazannyh s narkotichesкими sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvujushhimi i jadovitymi veshhestvami: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.06.2006 №14 (red. ot 16.05.2017) [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 15, 2006 No. 14 (as amended on May 16, 2017) "On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances"] // B'ulleten' Verhovnogo Suda RF [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. — 2006. — № 8. [in Russian]

3. Besedin G.E. O sootnoshenii proizvodnyh dokazatel'stv i principa neposredstvennosti v ugovnom processe Rossii [On the ratio of derivative evidence and the principle of immediacy in the criminal process of Russia] / G.E. Besedin // Rossijskij sud'ja [Russian Judge]. — 2022. — № 8. — P. 13–17. [in Russian]

4. Grodzinskiĭ M.M. Uliki v sovetskom ugovnom processe [Evidence in the Soviet criminal process] / M.M. Grodzinskiĭ. — M.: Legal Publishing House of the NKYU of the USSR, 1944. — 123 p. [in Russian]

5. Dobrovol'skaja T.N. Principy sovetskogo ugovnogo processa. Voprosy teorii i praktiki [Principles of the Soviet criminal process. Questions of theory and practice] / T.N. Dobrovol'skaja. — M., 1971. — 199 p. [in Russian]

6. Zhirjaev A.S. Teorija ulik [Evidence theory] / A.S. Zhirjaev. — Derpt: Printing house of G. Laakmann, 1855. — 216 p. [in Russian]

7. Konin V.V. Proizvodnye dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve [Derivative evidence in criminal proceedings] / V.V. Konin // Advokat [Lawyer]. — 2016. — № 6. — P. 5–8. [in Russian]

8. Remizova M.S. Modelirovanie juridicheskoy kategorii nedopustimogo dokazatel'stva v ugovno-processual'nom prave Rossii [Modeling the legal category of inadmissible evidence in the criminal procedure law of Russia] / M.S. Remizova // Advokatskaja praktika [Advocate Practice]. — 2023. — № 1. — P. 14–20. [in Russian]

9. Strogovich M.S. Material'naja istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovnom processe [Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process] / M.S. Strogovich. — M., 1955. — 384 p. [in Russian]

10. Prigovor Kurskogo oblastnogo suda po delu № 22-665/2020 ot 17 ijunja 2020 g [The verdict of the Kursk Regional Court in case No. 22-665/2020 dated June 17, 2020]. — URL: https://eresources.nlb.gov.sg/infopedia/articles/SIP_1789_2011-09-26.html (accessed: 21.04.2023). [in Russian]

11. The Sunny Ang murder case. — URL: https://eresources.nlb.gov.sg/infopedia/articles/SIP_1789_2011-09-26.html (accessed: 21.04.2023).